13. *Zadeh L. A.* (1972) A Fuzzy-Set-Theoretic Interpretation of Linguistic Hedges // Journal of Cybernetics. 1972. 2:3. P. 4–34.

Рукопись поступила в редакцию 8 мая 2018 г.

УДК 343.32 + 316.485.25 + 323.28 + 323.1(5-15) **Ф. Рабайа**

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Статья посвящена рассмотрению определения международного терроризма в международном праве, западной и арабской историографии. Анализируются причины отсутствия единого определения понятия «международный терроризм». Автор приходит к выводу о применении западными державами политики «двойных стандартов» в отношении национально-освободительных движений в регионе Ближнего Востока. Маркер «террористическая организация» используется западными экспертами в отношении не только терроризма, но и национально-освободительных движений, действующих в арабском мире. Автор статьи при характеристике критериев международного терроризма опирается на мнение арабских авторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международный терроризм, политика «двойных стандартов», вооруженная борьба, национально-освободительное движение, арабский мир, регион Ближнего Востока.

Международный терроризм представляет собой сложную междисциплинарную проблему. Обострение глобальной проблемы международного терроризма на рубеже XXI в. стало отличительной чертой нынешнего этапа развития мирового сообщества.

В XX в., после окончания Второй мировой войны, наблюдался резкий рост национально-освободительных движений. И первыми террористами XX в. стали еврейские радикальные группы на Ближнем Востоке, которые использовали террористические методы борьбы с англичанами, чтобы создать свою собственную государственность на Святой земле [4]. На всем Ближнем Востоке Великобритания, Франция и Соединенные Штаты были восприняты большинством населения как агрессоры и колонизаторы. Рост таких настроений подпитывался также политикой Соединенных Штатов, которые вступили в конфронтацию с СССР в рамках холодной войны и начали активно наращивать свое военное и финансовое присутствие на Ближнем Востоке в ответ на расширение зоны влияния СССР в странах региона Центральной и Восточной Европы [6].

Именно Ближний Восток стал основным фронтом противостояния между СССР и Соединенными Штатами, а затем — между Соединенными Штатами и Россией. Более того, с целью мобилизации масс обе стороны использовали свои ресурсы для поддержки различных освободительных движений. Когда был

© Рабайа Ф., 2018

реализован геополитический план США и СССР, терроризм в XX в. начал приобретать характер патронажных организаций, которым покровительствовали великие державы [8].

С 1963 г. под эгидой Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений было заключено 16 международных соглашений, которые являются правовыми инструментами противодействия угрозе терроризма (13 конвенций о борьбе с терроризмом и три протокола) [10].

В силу социальной и политической многоплановости и многомерного характера проявлений феномена международного терроризма в рамках ООН не удалось разработать единых подходов к выявлению его основных характеристик и дать данному явлению четкое определение [2]. В XX в. ситуация осложнялась противостоянием СССР и США по данному вопросу, поскольку эти страны давали явлению терроризма различную правовую оценку: советские политические деятели считали (и не без оснований), что Запад намеренно относит к террористическим группировкам те национально-освободительные движения, которые поддерживал СССР [6].

В результате СССР неоднократно блокировал принятие в Организации Объединенных Наций документов, в которых делались попытки дать определение международного терроризма. Например, Европейская конвенция от 27 января 1977 г. содержит весьма широкий список действий, которые отличают террористическую организацию [10]. Руководство СССР категорически отказалось подписывать этот международно-правовой документ, мотивируя свое решение тем, что: 1) конвенция была направлена на подавление коммунистического и рабочего движения под видом борьбы с крайними левыми группами; 2) отдельные формулировки в документе были прикрытием для криминального характера действий крайне правых политических сил. В итоге данный документ был ратифицирован Россией только в 2006 г.

Большинство документов, принятых ООН по вопросу борьбы с терроризмом, не решают проблему точного определения данного явления [10].

Причиной завоевания терроризмом международного статуса в XXI в., на наш взгляд, можно считать слияние криминальных структур с радикальными организациями и прежде всего с исламским фундаментализмом. Следует помнить об идеологической гетерогенности исламской религии, в которой традиционный (мирный) ислам за последние двадцать лет несколько утратил свою популярность по сравнению с исламским фундаментализмом. Причиной смещения акцента на военизированные методы борьбы является расширение гегемонии западной идеологии и насильственное насаждение западных демократических ценностей, которые являются результатом развития не мусульманской, а христианской цивилизации [12]. На наш взгляд, именно такой конфликт ценностей приводит к радикализации исламских течений.

Конфессиональный фактор используется террористическими организациями и их финансовыми донорами как идеологическая основа для мобилизации прежде всего радикально настроенной молодежи, которая еще не имеет необходимого жизненного опыта и собственной жизненной позиции, семьи и ответственности

за жизнь других людей. Внутриконфессиональная борьба между традиционным исламом и фундаментализмом является еще одной причиной распространения международного терроризма. Неспособность традиционного ислама стать умиротворяющей силой для верующих также становится косвенной причиной роста экстремистских настроений в мусульманском мире и формирования террористических организаций.

Несмотря на множественность трактовок терроризма, большинство исследователей сходятся во мнении, что суть его — насилие с целью запугивания.

Целью террористического насилия, как отмечено в документах ООН, является достижение желаемого политического результата (революция, дестабилизация общества, развязывание войны с иностранным государством, получение независимости на какой-то территории, снижение престижа власти, политические уступки со стороны властей и т. д.) [17].

Как видно из приведенного определения целей терроризма, к данному явлению можно причислить практически любое национально-освободительное движение, которое использует военизированные методы борьбы.

По нашему мнению, существенным отличием политической террористической организации от национально-освободительного движения является то, что террористическая организация существует вне правового поля, а национально-освободительное движение является одной из сторон конфликта и с точки зрения международного права должно иметь правосубъектность при мирном урегулировании ситуации.

Данное отличие следует учитывать при характеристике движения ХАМАС. По нашему мнению, до тех пор, пока ХАМАС будет признаваться Израилем и США террористической организацией, ни о каком позитивном сдвиге в переговорах по статусу сектора Газа и по вопросу снятия с него блокады не может идти и речи. Поскольку лидеры ХАМАС поставлены вне закона, они и их последователи (часть палестинского народа) фактически не имеют права голоса в переговорном процессе. Такой подход ярко демонстрирует политику «двойных стандартов» западных держав, геополитические интересы которых в регионе направлены на сохранении статус-кво между Палестиной и Израилем.

По мнению западных политиков, в арабо-израильском конфликте религиозный тип терроризма обусловлен попытками вооруженных групп, исповедующих одну религию, бороться с государством, в котором доминирует другая религия. Следует обратить внимание на то, что при таком определении характера терроризма отсутствует четкое его разграничение с национально-освободительным движением, сформированным на основе конфессионального ядра. Получается, что любое подобное движение может быть классифицировано как террористическая организация.

В современном мире имеют место проявления государственного терроризма, направленные на ликвидацию глав государств и других политических деятелей, на свержение неугодных правительств, имеющих целью посеять панику среди населения этих государств.

Интересно отметить, что к данному виду терроризма арабские и российские исследователи относят технологии «цветных революций», разработанные

западными политтехнологами и внедряемые в современном политическом пространстве для искоренения неугодных Западу политических режимов [7].

Арабские страны пережили довольно много такого рода «террористических актов», если следовать определению, данному в документах ООН: 2010–2011 гг. — «арабская весна», «жасминовая» революция («финиковая», «голодная», «багетовая») в Тунисе (21 день); 2011 — «арабская весна» в Алжире (25 дней); 2011 — «арабская весна», «дынная» революция («твиттерная», «молодежная», «горчичная», «курортная», «пирамид», «финиковая») в Египте (17 дней); 2011 — «арабская весна» в Омане (120 дней); 2011 — «арабская весна» в Йемене (397 дней); 2011 — «жемчужная» революция в Бахрейне (31 день); 2011 — «арабская весна» в Ливии (33 дня); 2011–2012 гг. — «арабская весна» в Сирии (538 дней). Однако западное сообщество классифицирует данные события именно как революции, а не как проявления государственного терроризма, в чем вновь проявляется политика «двойных стандартов».

Один из ведущих российских экспертов, В. Е. Чиркин, доктор юридических наук, профессор Института государства и права Российской академии наук и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в одной из своих статей отмечает, что число жертв среди мирного населения за время «цветных революций» в арабских странах составило 3800 человек [15], что превышает число жертв теракта 11 сентября 2001 г. в США, когда погибло 2983 человека [5]. Возникает вопрос: почему в первом случае действия западных политтехнологов в арабских странах считаются на Западе «цветными революциями», а во втором — классифицируются как террористический акт? И в первом, и во втором случае погибли мирные жители. Более того, арабские исследователи рассматривают «цветные революции» как форму государственного терроризма, который направлен на искоренение самой исламской цивилизации [9].

Отдельный интерес в связи с распространением так называемого исламского терроризма во всем мире вызывает позиция исламских правоведов по определению международного терроризма. В самом общем виде террор в древнеарабских письменных источниках — это страх перед Богом, когда верующий избегает гнева и наказания Всемогущего и одновременно просит Его милости и прощения [Там же]. В то же время термин «терроризм» не упоминается в Коране в смысле уголовно наказуемого акта, а характеризует безнравственность, духовную коррупцию и плотскую развращенность, а также используется как синоним несправедливой войны. Тщательный анализ многих положений Корана подтверждает, что Коран уделяет большое внимание вопросам безопасности и заботы о сохранении имущества и жизни людей, не пропагандируя насилие и террористические методы [1].

Среди исламских правоведов существует два разных подхода к проблеме определения терроризма. Согласно первому гораздо легче описать феномен терроризма, чем дать его четкое определение, особенно учитывая то, что всякая дефиниция носит не только теоретический, но и идеологический характер. Сторонники этого подхода отмечают, что при описании фактов терроризма исследователь обязан обратить внимание на их истинные причины, связанные с проявлениями несправедливости, порабощения, деспотизма и т. д. [11].

Второй подход основан на мнениях ученых, которые раскрывают терроризм, опираясь на характеристики его компонентов, перечисляя действия, отражающие сущность терроризма [16]. Этот подход, в свою очередь, подразделяется на два направления.

Первое направление характеризует терроризм как акт, направленный на достижение конкретной цели и предполагающий убийство, захват заложников и т. п. В этом контексте основным критерием данной дефиниции является квалификация действий, составляющих материальную сторону терроризма. Остальные компоненты терроризма определяются на их основе, их присутствие делает данный акт преступлением против человечности.

Ряд исламских специалистов выделяют пять составляющих террористического преступления, которые различаются по степени тяжести [9]. Согласно такому подходу, чтобы быть признанным террористическим, действие должно соответствовать всем пяти элементам, а именно: вооруженное насилие, приводящее к жертвам, в том числе среди мирного населения; преступления против человечности; наличие организации, использующей преступные методы; наличие преступного намерения, направленного на создание атмосферы паники и хаоса среди населения; незаконность деяния.

Другое направление исследований определяет терроризм в соответствии с его целями [Там же]. Доктор политических наук Исмаил Сабри квалифицирует международный терроризм как необоснованное насилие и незаконную меру воздействия, которая выходит за рамки политических границ государств [3].

Таким образом, арабские правоведы больше склоняются к определению терроризма на основе его внешних признаков, демонстрируя детальный подход к данному явлению без перечисления конкретных преступных действий.

В отличие от арабской историографии западное научное сообщество стремится к более подробному описательному подходу явления международного терроризма.

В западном экспертном сообществе существует принципиальная разница между определением терроризма, данным Г. Вардлоу, и определением, зафиксированным в документах Государственного департамента США. Определение Г. Вардлоу включает государственный терроризм, а правительство Соединенных Штатов включает только терроризм, спонсируемый государством. Государственный терроризм существует в реальности, причем именно он использовался колониальными державами в попытках контролировать население, а в последнее время в Латинской Америке исчезновения людей и действия «эскадронов смерти» были связаны с политикой США [18].

Эти факты доказывают, что терроризм не является тактикой только тех государств, которые включены в американский «черный список», но является и тактикой любых государств, преследующих собственные геополитические интересы. В ноябре 2004 г. иракский город Фаллуджа был возвращен под военный контроль американских сил, что привело к почти полному разрушению инфраструктуры территории. Однако военный успех был с большим удовлетворением отмечен в вооруженных силах Соединенных Штатов и среди населения США. Арабский

мир на всем протяжении конфликта воспринимал такие действия США как самый настоящий государственный терроризм [13].

На основе приведенных выше определений можно говорить о том, что терроризм — это использование или угроза применения насилия индивидуумом или группой, направленные на создание ощущения тревоги и/или вызывающие страх действий в группе населения, гораздо большей, чем непосредственные жертвы, с целью принуждения этой группы присоединиться к выполнению политических требований террористов.

Исходя из всего вышесказанного, терроризм можно трактовать только как метод достижения тактических целей, он не может рассматриваться как политическая программа или идеология. При изучении проблемы терроризма, включая международный терроризм, рано или поздно предстоит дать четкое определение данному явлению. Однако такая задача до сих пор не решена.

Если национально-освободительное движение использует террористические методы борьбы как вынужденную меру воздействия на международное сообщество, то как можно квалифицировать его деятельность — как национально-освободительную (согласно конечной цели создания собственного государства) или как террористическую (по критерию методов борьбы)? Данный вопрос остается открытым в международном праве, причем именно отсутствие четких разграничений между национально-освободительным движением и терроризмом приводит к возможности проведения западными государствами политики, направленной на достижение гегемонии в арабских странах с помощью дестабилизации региона. Грубое насаждение проамериканских ценностей и западной цивилизационной парадигмы вызывает неизбежный ответ в форме политизации конфессионального фактора как наиболее устойчивого к внешним воздействиям элемента арабской культуры. Так возникают конфликтные зоны и локальные войны. При этом западное сообщество квалифицирует сопротивление со стороны исламских групп как террористические действия, не принимая во внимание вынужденный характер такой тактики. Речь идет не о криминальном терроризме, а о деятельности политических организаций, чья идеология и интересы противоречат установкам и геополитическим интересам западных держав.

В результате отсутствия четкого разграничения по методам между террористической организацией и национально-освободительным движением и односторонней интерпретации концепции «национально-освободительного движения» со стороны западных стран появляются зоны новых конфликтов.

---

1. *Галым Жусипбек*. Ислам и терроризм — попытка анализа [Электронный ресурс]. URL: http://islam.kz/ru/articles/raznoe/islam-i-terrorizm-popytka-analiza-882/#gsc.tab=0 (дата обращения: 18.02.2018).

2. Доклад Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии». Генеральная Ассамблея. Шестидесятая сессия A/62/898. 27 April 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/terrorism/cttaskforce (дата обращения: 18.02.2018).

3. *Исмаил Сабри*. Определение международного терроризма [Электронный ресурс]. URL: http://www.startimes.com/f.aspx?t=33862206 (дата обращения: 18.02.2018).

4. *Калиничев В. В.* Права и свободы гражданина в условиях борьбы с терроризмом // Власть. 2008. № 2. С. 56–59.

5. Катастрофа в прямом эфире [Электронный ресурс]. URL: https://meduza.io/feature/2016/09/11/katastrofa-v-pryamom-efire (дата обращения: 18.02.2018).

6. *Ланцов С. А.* Проблема терроризма в международных отношениях: правовые и политические аспекты [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/lantzov/terror.html (дата обращения: 18.02.2018).

7. *Манойло А. В.* Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (дата обращения: 18.02.2018).

8. МГИМО : [официальный сайт]. Международный терроризм как фактор мировой политики. URL: http://www.imi.mgimo.ru/ru/mneniya-ekspertov/93-analiticheskiy-tsentr/sodikov-sharbatullo-dzhaborovich/179-mezhdunarodnyj-terrorizm-kak-faktor-mirovoj-politiki.html (дата обращения: 18.02.2018).

9. *Мохаммед аль Мусави*. Концепция международного терроризма [Электронный ресурс]. URL: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=216630 (дата обращения: 18.02.2018).

10. ООН : [официальный сайт[. Конвенции по борьбе с терроризмом. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml (дата обращения: 18.02.2018).

11. *Салем Катайн*. Концепция международного терроризма [Электронный ресурс]. URL: http://elaph.com/Web/AsdaElaph/2009/5/442164.htm (дата обращения: 18.02.2018).

12. *Токтомушев А. Ч.* Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма. Астана, 2005. С. 20.

13. Трагедия Эль-Фаллуджи: город взят, аз-Заркави ушел, сотни убитых. ИТАР-ТАСС. 14 ноября 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://news.tut.by/world/46345.html (дата обращения: 18.02.2018).

14. «Цветные революции» как последнее средство политики Запада [Электронный ресурс]. URL: http://inance.ru/2016/03/revolutsii/ (дата обращения: 18.02.2018).

15. *Чиркин В. Е.* Конституции «цветных революций» и «арабской весны» [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsii-tsvetnyh-revolyutsiy-i-arabskoy-vesny (дата обращения: 18.02.2018).

16. *Шафик аль-Масри*. Международный терроризм в попытках определить его [Электронный ресурс]. URL: https://www.lebarmy.gov.lb/ar/content/ (дата обращения: 18.02.2018).

17. Counter Terrorism Implementation Task Force First Report of the Working Group on Radicalization and Extremism that Lead to Terrorism: Inventory of State Programmers. Geneva: United Nations, September 2008 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/terrorism/pdfs/Report (accessed: 18/02/2018).

18. *Krieger D. M.* What Happens If? Terrorists, Revolutionaries, and Nuclear Weapons // The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 430. March, 2017. P. 44–57.

Рукопись поступила в редакцию 22 февраля 2018 г.